

ПСИХОАНАЛИЗ РЕБЕНКА

*С благодарностью и почтением
посвящается памяти Карла Абрахама*

«Порой нас может охватывать робость при виде сбивающего с толку множества явлений, встречающихся нам в широком окружении человеческой душевной жизни, от детской игры и других типичных порождений ранней деятельности фантазии, от становящихся интересов и одаренностей до наиболее высоко оцениваемых свершений зрелого человека и самых крайних дифференциаций отдельных существ. Но тогда мы вспоминаем о том, кто дал нам исследовательский инструмент психоанализа и тем самым открыл нам доступ к сексуальности ребенка, этому живому источнику жизни».

*Abraham. Psychoanalytische Studien
zur Charakterbildung. S. 51*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

За годы, истекшие с того времени, как эта книга появилась впервые, я пришла к дальнейшим выводам — главным образом относящимся к первому году младенчества, а они привели меня к разработке определенных важных гипотез, представленных здесь. Цель данного Предисловия заключается в том, чтобы дать некоторое представление о природе этих изменений. Гипотезы, которые я имею в виду в этой связи, следующие: в первые несколько месяцев жизни младенцы переживают состояния страха преследования, которые связаны с «фазой максимального садизма»; маленький ребенок испытывает также чувства вины из-за своих деструктивных импульсов и фантазий, направленных на его первичный объект — мать, в первую очередь на ее грудь. Эти чувства вины порождают тенденцию к репарации поврежденного объекта.

Пытаясь подробнее описать картину этого периода, я пришла к выводу, что были неизбежны определенные смещения акцентов и временных отношений. Поэтому я начала разграничивать две главные фазы в первые шесть-восемь месяцев жизни и охарактеризовала их как «параноидную позицию» и «депрессивную позицию». (Термин «позиция» был выбран потому — хотя феномены, о которых идет речь, впервые возникают на ранних стадиях развития — что они не привязаны к этим стадиям, а представляют собой специфическую группу страхов и защит, которые появляются снова и снова в первые годы детства).

Параноидная позиция — это стадия, во время которой преобладают и продолжают, начиная с рождения и до трех, четырех или даже пяти месяцев жизни, деструктивные импульсы и страхи преследования. Это требует модификации датировки фазы максимального садизма, но не подразумевает изменения взглядов, касающихся тесной взаимосвязи садизма и страха преследования на их пике.

Депрессивная позиция, которая следует за этой стадией и которая связана с важными шагами в развитии Я, устанавливается примерно в середине первого года жизни. На этой стадии снижается интенсивность садистических импульсов и фантазий, равно как и страха преследования. Младенец интроецирует объект как целое и одновременно с этим становится способным, до некоторой степени, соединять различные аспекты объекта, равно как и свои эмоции в отношении него. Любовь и ненависть в его уме сближаются, и это вызывает страх того, что объект, внутренний и внешний, будет поврежден или разрушен. Депрессивные чувства и вина порождают желание сохранить или же восстановить любимый объект и таким образом произвести репарацию за деструктивные импульсы и фантазии.

Концепт депрессивной позиции не только подразумевает модификацию датировки ранних фаз развития, он также обогащает наше знание эмоциональной жизни маленьких детей и потому существенно влияет на наше понимание развития ребенка в целом.

Также этот концепт по-новому освещает ранние стадии эдипова комплекса. Я по-прежнему считаю, что они начинаются примерно в середине первого года жизни. Но, поскольку я больше не придерживаюсь того, что в этот период садизм находится на пике, я делаю иной акцент на начале эмоционального и сексуального отношения к обоим родителям. Поэтому, хотя в некоторых местах (см. гл. XIII) я предположила, что эдипов комплекс начинается под давлением садизма и ненависти, сейчас я сказала бы, что младенец обращается к вторичному объекту, отцу, с чувствами как любви, так и ненависти. (Однако в гл. IX, X и XII эти вопросы были рассмотрены под другим углом, и в них я вплотную приблизилась к точке зрения, которой сейчас придерживаюсь.) В депрессивных чувствах, проистекающих из боязни потерять любимую мать — как внешний и внутренний объект — я вижу важный импульс к ранним эдипо-

вым желаниям. Это означает, что сейчас я соотношу ранние стадии эдипова комплекса с депрессивной позицией.

В этой книге также есть ряд утверждений, которые, в соответствии с моей работой за последние шестнадцать лет, возможно, я захотела бы переформулировать. Однако такая переформулировка не предполагала бы никакой существенной модификации выдвинутых здесь выводов. Поскольку эта книга, в ее нынешнем виде, в основе своей представляет взгляды, которых я сейчас придерживаюсь. Кроме того, более раннее развитие моей работы органически вытекает из представленных здесь гипотез: например, процессов интроекции и проекции, действующих с начала жизни; интернализованных объектов, из которых с течением лет развивается во всех своих аспектах Сверх-Я; отношения к внешним и внутренним объектам, взаимодействующим с самого раннего младенчества и оказывающим существенное влияние как на развитие Сверх-Я, так и на объектные отношения; раннего начала эдипова комплекса; инфантильных страхов психотической природы, предоставляющих точки фиксации для психозов. Кроме того, игровая техника — которую я впервые разработала в 1922 и 1923 годах и которую представила в этой книге — по-прежнему стоит на своих основаниях; она была усовершенствована, но не модифицирована дальнейшим развитием моей работы.

М. К.

Лондон, май 1948